Сухомлинов Борис Валентинович

“Выпускаю джина из бутылки”

(воспоминания блокадного детства).

Я родился 17 июня 1938 года в Ленинграде, рядом с Сенной площадью, Демидов переулок, д.16, кв.22. Сейчас это - переулок Гривцова, дом 22. Как и большинство простых горожан, мы жили в коммуналке. Правда, жили в ней только родственники. По сути, это была одна большая семья. Дед Федор Игнатьевич Кашин работал на заводе “Степан Разин” в минеральном цехе слесарем по ремонту. Его жена - Анна Павловна была домохозяйкой. А дальше - их дети и внуки. Старшая дочь Надежда с мужем Павлом Александровичем Рябовым и детьми - 12-ти, 11-ти и 10-ти лет: Павликом, Валентиной и Анной.

Вторая дочь - Клавдия (моя мама) - 1913 г. рождения с моим отцом Сухомлиновым Валентином Сергеевичем, инженером, выпускником Политеха, мною и моим братом Толей (старше меня на 3 года). Здесь же жила еще одна дочь - Людмила (1916 года рождения) с сыном Колей, старше меня на два года. Итак, в одной квартире - 12 человек. Жили, как и все, небогато, но весело.

На фотографии детей нашего двора (март 1941 г.) видно, что двор наш был многодетным. Смотрю на это фото - мирная счастливая жизнь, радостные открытые лица мальчишек и девчонок. В самом центре, в вязаной кофте и шапочке - я, за мной, в шапке со звездой, брат Толя, еще выше - сестры-кузины Валя (в белой пуховой шапочке) и Анна с пестрым шарфиком. В самом верхнем ряду (второй слева) - всеми нами уважаемый и любимый брат Палька (Павел) в кожаной шапке с опущенными ушам, с чубчиком на лбу.

Перед самой войной нашей семье Сухомлиновых выделили отдельную квартирку в этом же доме - кв.11. Мне было к началу войны три года. Но в памяти сохранилось посещение мебельного магазина, что находился на углу Садовой и Б. Подьяческой. Мама со мной и Толей подбирала мебель для нового жилья.

Это посещение осталось у меня в памяти, как призрак мира и благополучия. От мирной, довоенной жизни остались в памяти прогулки с родителями по Юсуповскому саду, по городу. Вот на выцветшем фото мы всей семьей у “Медного всадника”, вот - у колоннады Исаакия...

На углу нашего переулка у канала Грибоедова находилась небольшая булочная. Там пекли замечательные булки, пышные, горячие, “с пылу, с жару”. Это было так вкусно! Мама давала нам с Толей мелочь и мы, зажав ее в кулаке, шли за свежеиспеченной вкуснятиной. Мне они запомнились, как “булочки посорок”. Так я себе их и представлял. И лишь через много лет, став постарше, спросил у мамы: “А почему эти булочки назывались “посорок”? Она, смеясь, объяснила: “Булочки эти стоили по сорок копеек”, и, отправляя нас, мама давала нам по 40 копеек каждому. Вот так был раскрыт для меня секрет названия булочек “посорок”.

С первых же дней войны отец ушел на фронт и через три месяца “пропал без вести”. Сохранилась фотография бравого капитана-артиллериста, присланная отцом с фронта. Судьба его сложилась сурово. Попав в окружение в Прибалтике, он оказался в немецком плену. В апреле 1944 года был освобожден и, как многие его сверстники, разделил судьбу советских военнопленных - 10 лет лагерей. Восемь лет он провел в Норильске, в марте 1952 года был досрочно освобожден и мы с ним встретились.

Самые суровые дни и ночи нам пришлось пережить здесь, в центре блокады. Мама, как и многие оставшиеся в городе ленинградцы, ходила на ночные дежурства. Помню, как она брала меня с собой. Выли сирены воздушной тревоги, гремели громкоговорители на улицах, в небе гудели самолеты, метались по ночному небу прожектора ПВО, светились зарницы взрывов и пожаров. Бомбы, казалось, падали прямо за нашим домом!

Некоторые фрагменты пережитого и сегодня стоят передо мной. Вот солдаты со скрутками-шинелями за спиной, в касках несут на плечах огромные зеленые "пузыри" - дирижабли заграждения ПВО. Они только-только умещались по ширине в нашем переулке. Их несли от площади Сталина (так тогда называлась Сенная) в сторону Невы.

С первых же дней войны у нас во дворе на переходе в соседний двор, там, где раньше была прачечная, в подвале было организовано бомбоубежище.

При первых налетах фашистской авиации все бежали туда. Помню первое посещение этого подвала. Народу - весь двор: женщины, дети, старики... Дети беззаботно носятся между установленными на цементный пол свежеизготовленными деревянными скамейками. Кто постарше - кучкуются в сторонке. Взрослые занимаются, кто чем. Кто-то принес книгу и читает, кто-то вяжет. Никто не спешит выходить. На входе стоит дежурный с повязкой: до отбоя тревоги выходить не разрешалось. Через несколько месяцев в бомбоубежище было холодно, темно и почти никого. Кто-то эвакуировался, кто-то ушел на фронт, кто-то умер от голода. Сюда уже не приходили, сюда плелись. А когда уже не было сил ни ходить, ни бояться обстрелов и бомбежек, ни самой смерти, никто уже не ходил в бомбоубежище: Все сидели, забившись по своим "углам", закутавшись во все мыслимые и немыслимые тряпки, теперь уже понимая: от судьбы не уйдешь.

Для многих это было время не жизни, а выживания.

Рябовы всей семьей с заводом, где работал Павел Александрович, были эвакуированы в Новосибирск, где сразу же влились в работу на Чкаловском авиазаводе. Дед умер. Людмила ушла на фронт, ее фото в гимнастерке, при погонах, при медали хранится у нас. Из 12 человек нас осталось четверо: баба Анна, мама, Толя и я.

Многие хлебные магазины были закрыты, а в тех, что работали, хлеб выдавали по карточкам. Очереди были такие, что не всегда удавалось "отовариться". В начале марта 1942-го мама ходила за хлебом за Фонтанку, к Техноложке. Хлеба не досталось. Очередная тревога, налет... Еле таща ноги (от голода многие ленинградцы не ходили, а двигались, как тени).дошла до Обуховского моста. Рядом разорвалась бомба. Маму, контуженную, но живую, подобрали и отвезли в госпиталь. Часа через четыре, придя в себя, она со слезами уговорила медиков отпустить ее домой: там остались ее мать и двое детей.

Я еще как-то держался, а Толя умирал, и баба Анна согревала его своим телом, опухшим от голода. Мы долго не спали. Тревоги шли одна за другой. Вой сирены доставал до печенок. Казалось, это завывает гадюка-смерть. Ее с белым черепом, в белом саване, с белой блестящей косой я видел, глядя на черные в темноте стены и занавешенные окна... Чтобы не так было страшно, я просил зажечь коптилку. Мы ее ставили под стол, чтобы отблески света не попали на окна, и "смерть с косою" уходила. В промерзшей комнате становилось как будто бы теплей.

Лежа в темной квартире, прижавшись поближе друг к другу, чтобы согреться, мы с братом угадывали по звуку немецкие самолеты. Они гудели тихо, глухо и прерывисто: "У...у...у...» Звуки наших самолетов были громкие и беспрерывные. Лишь повзрослев, я понял, в чем дело: фашисты старались летать как можно выше, чтобы не зацепили аэростаты и зенитки. Когда самолет летит на большой высоте (любой, даже сверхзвуковой), ветер и слои воздуха относят его звук, и вместо ровного до земли доходят звуки мотора разной высоты: то сильнее, то слабее. А мы воспринимали это как особенности именно немецких самолетов.

Мама пришла уже поздно ночью. Она долго шла, ее часто останавливали патрули. Кое-как отговорившись от них, она доплелась до дому. На душе у всех потеплело, но радоваться уже не было сил...

Нас записали в длинную очередь на эвакуацию. Казалось, все движется к печальному концу. К смертям, к замерзшим трупам во дворах, к саночкам и гробикам все уже привыкли.

Вечером 13 марта к нам постучала женщина-комендант: срочно собирайтесь, в 1 час ночи с Финляндского вокзала отходит поезд на эвакуацию. Очередь неожиданно продвинулась. Многим прихода ее не суждено было дождаться...

Откуда у всех нас нашлись силы быстро собраться? Мама закутала нас во что только было можно, посадила с братом на саночки. Пешком с бабой Анной, с каким-то еще узлом, они двинулись пешком к поезду. Дойти пешком - никто в это не верил. Силы покидали женщин. Они плакали от досады: опоздают, не успеют, и... конец всем. Кое-как мы все же успели на уже отходящий поезд. Кто-то нам, кажется, помог...

"Дорога жизни", которую предстояло преодолеть, в то время была и "Дорогой смерти". Для многих. Лед уже начал таять, машины шли по ступицу в воде. Немецкие самолеты не давали покоя, нещадно атакуя автомашины с беженцами. Бабуля с Толей и другими людьми угнездилась в открытом кузове, а меня с мамой (она еще долго не могла оправиться от контузии) посадили рядом с шофером в кабину. Дверцы кабины были сняты. Не одна машина на этой страшной переправе ушла под лед...

Через пару дней для нас война, казалось, закончилась. Тихое небо, ни обстрелов, ни налетов... Паровозик пыхтит и гудит, увозя нас все дальше и дальше от смертельной блокадной петли.

В конце марта мы добрались до г.Бобров Воронежской области. Здесь жили дед по отцу Сергей Макарыч и баба Шура. У них был большой усадебный дом и сад-огород.

4 апреля баба Анна умерла. Мама ее, умирающую, опухшую от голода, вывезла из Ленинграда только затем, чтобы похоронить "по-людски": в гробу, предав земле. Ведь в Ленинграде в ту страшную зиму, если и хоронили, то в братские могилы или сжигали в печах крематория.

У деда было два мешка жмыха (в Боброве, недалеко от нас, находился маслобойный заводик). Лакомство несусветное! Выдаваемое только поштучно и только лично дедом.

Наступило лето. Июнь! Мы ходим купаться на речку Битюг. Солнце, зеленая трава, тихая чистая вода... Мама хорошо плавала. Переплыла на другую сторону. И вдруг, прямо над нами, метрах в тридцати над землей - самолет со свастикой!

Это - разведчик. Так низко, что видно пилота: фашист, расплываясь в улыбке, пальнул очередь из пулемета и скрылся.

Небо сразу потемнело, угасло солнце, притихла вода в реке, тревожно и тоскливо зашумели кусты и трава... Мама быстро переплыла на наш берег, схватила нас и побежала домой. Где-то вдалеке стали бухать падающие бомбы. Они очень быстро приближались. Дома мама забилась в комнату, обняла нас. Все долго сидели молча. Стало ясно: война идет и сюда. Что она несет, мы уже знали.

Рядом с домом, в саду дед наскоро соорудил землянку - укрытие. Ее копали все, кто мог. Спешили: фашисты могли налететь в любой момент. Это была траншея метра два глубиной, метра четыре длиной, перекрытая шпалами (дед до пенсии работал паровозным машинистом). На обоих концах траншеи - по выходу. Ступеньки были лишь с одной стороны, другую заложили, как аварийный выход, оставив вверху, на уровне земли, смотровую щель. Сверху наше убежище засыпали горкой земли и, как могли, замаскировали.

Фронт двигался быстро. Вскоре налеты стали ежедневными и частыми. Били по железной дороге, порушили маслобойный заводик. Бомбили все, что давало людям возможность жить. Не щадили и одноэтажные жилые улицы городка.

Подставив какие-то ящики и узлы, мы с братом дотягивались до “дозорной” щели и смотрели, как немецкие самолеты звеньями спокойненько пролетали над городом. Мы уже знали: раз не над нами, значит, нечего бояться. Заходя на цель, фашисты сбрасывали бомбы. Маленькими “спичечками” они отрывались вниз, рассеиваясь по пути, и начинали выть. Бомбили совсем недалеко, на наших глазах. Вой приближался и вскоре переходил в ужас. Мы затыкали уши, прятали головы, скатываясь вниз. Вой проносился над нами и раздавался страшный грохот. Казалось, бомбы падали прямо у нас за спиной. Как это получалось, мы никак не могли сообразить: бросают перед нами, мы видим, как они летят к земле, а падают у нас за спиной? Повзрослев, мы поняли: это всего лишь “проказы” звуковой волны. С наката на головы сыпалась земля. Все кругом тряслось и стонало. Наше убежище было очень ненадежно!

Вскоре бои под Бобровом несколько поутихли: фашисты двинулись мимо, на Сталинград...

Мальчишки повзрослей ходили пешком на места боев и приносили оттуда оружие, амуницию и что-то еще. Вот как близко от нас проходила линия фронта.

В августе этого же 1942 года мать, собрав меня и Толю, почти ничего не имея с собой, эвакуировалась в Новосибирск. Отъезд наш был тоже непрост! Железнодорожная станция Бобров была разбита. Паровозик с открытыми платформами встречал беженцев далеко за городом, где еще как-то уцелели рельсы. Ночью, до рассвета мы “укатили”, видно, не так уж и далеко. Фашисты и здесь старались “отличиться”. Они гонялись за составчиком с беженцами. Паровозик страшно суетился, отцеплял платформы с людьми, а сам, будучи хорошей мишенью, убегал вперед, уводя свою беду подальше от людей. Мы скатывались, кто мог, с платформ в кювет. Спрятаться было некуда: кругом ровная степь. Все смотрели, как на наших глазах паровоз то мчался на всех парах вперед, то резко тормозил, сдавая назад. Фашист проносился над ним, как коршун над полевым зайцем. Но тут подлетали наши ястребки, начинался воздушный бой. Горели, с грохотом падая, и те, и другие. Отогнав вражью стаю, красно-звездный самолет пролетал рядом на бреющем полете, помахивая крыльями. Летчик, подбадривая нас улыбкой, махал перчаткой. Ремонтная бригада (она была в составе нашего же поезда), быстро заменяла разбитые

рельсы, осторожно подгоняла наш паровозик, и мы опять спешили на восток, подальше от линии фронта...

Ночь прошла в тревожном сне. Утро встретило нас звонкой тишиной. Чистое небо! Мелькают поля и перелески, оставаясь позади. Слышно только, как громыхает наш состав, как мерно и мирно стучат колеса на стыках, как усердно пыхтит наш спаситель-паровозик. Едем час, два, три - ни взрывов, ни налетов, ни канонады... Убежали! Уцелели! Ушли!..

На транссибирской магистрали кипит своя жизнь. На Запад сурово спешат эшелоны с новой техникой, с войсками. На Восток везут на переплавку разбитую фашистскую технику с ненавистными черными крестами, переправляют санитарные поезда, едут беженцы. На станциях подолгу стоим, пропуская тех, кто едет навстречу. Где-то за Уралом, на полустанке, наш состав остановился рядом с армейским эшелоном. Солдаты радуются за нас - живы! Узнав, что мы из Ленинграда, солдат виновато, что не может большего, дает мне кусочек сахара. Мы уже стали забывать, как он выглядит. Я не ем: мне надо поделиться с мамой и братом. Солдат вновь начинает шарить в своем вещмешке. Подходит старшина. По медалям и выцветшей гимнастерке видно - фронтовик. Делает строгое замечание солдату. Тот пытается возразить, но опускает глаза, завязывая свой мешок. Старшина кладет на мое худенькое плечо свою большую тяжелую ладонь и по-взрослому объясняет мне, что едут солдаты на фронт, что через пару дней им вступать в бой с фашистами. Солдат должен быть сыт. Тогда он защитит нас. Я тоже виновато опускаю глаза. Под ложечкой сосет: мы сидим на голодном пайке. Но я все понимаю. Я уже большой. Мне - уже Четыре! Пятый!..

В Новосибирске мы снова оказались в одной коммуналке с Рябовыми. Радости не было предела, хотя и мама, и Толя, и я были до неприличия худыми. Меня еще долгое время сверстники будут иногда называть доходягой, а я буду лезть на обидчиков в драку.

Вскоре мама устроилась секретарем учебной части в эвакуированный из Рославля железнодорожный техникум. Ей дали комнату в общежитии, тумбочку, табуретки, стол, кровати и даже постельные принадлежности. Своего у нас ничего не было. Так мы оказались на Первомайке - в Первомайском районе Новосибирска. Это место на карте нашей страны стало моей второй родиной. Здесь мы закончили школу, потом этот самый техникум. Толя, получив диплом “с отличием”, поступил в ЛИИЖТ. Жил и учился рядом со своим родным двором, что в Демидовом переулке. Я после окончания техникума служил в Советской армии. Вернувшись, закончил Новосибирский инженерно-строительный институт.

Новосибирск очень далеко от Ленинграда. Очень далеко от войны. Но и здесь в ночное время требовали затемнения - зашторивания окон темными занавесками. Жили очень скромно. Как-то я потерял в начале очередного месяца карточки на хлеб, а ведь это было основой нашего питания. И опять пришлось вспомнить, что такое голод. Еще в Ленинграде мама приучила нас беречь кусок хлеба, не есть все сразу. По кусочкам, по маленьким, но делить на завтрак, на обед, на ужин, на завтра и даже послезавтра. Чувство голода не покидало меня и все последующие годы. И только в армии, где было, пусть и скромное, но регулярное питание, я стал, кажется, наедаться.

Мама отвела меня в детский сад. Букву “Р” я научился произносить лишь лет в пять. Как я сиял, удивившись и обрадовавшись одновременно, когда назвал воспитательницу не «Дмитлиевной», а «Дмитриевной». Поначалу я даже не заметил этого. Потом, остановившись, попробовал произнести еще раз «Дмитриевна», но получилось опять “Дмитлиевна”. Как же так, досадовал я! Ведь

было же правильно: “Дмитриевна”. Попробовал еще, еще и еще. Радостный, я до вечера только и твердил: “Людмила Дмитриевна!”

Несмотря на свой малый возраст, на картавливую детскую речь, у меня была впечатлительная память, и я был, видно, неплохим рассказчиком. В общежитии техникума молодые женщины, узнав, что мы из Ленинграда, видя таких худющих, старались нас, мальчишек, как-то обогреть и подкормить. Усадив меня на табуреточку, устраивались вокруг. Я рассказывал об ужасах Блокады, обо всем, что мы выстрадали. Все плакали. Приходила мама, слушала и тоже плакала. Все пережитое вставало перед нами так, как будто это было вчера. Я тоже плакал. Такие посиделки происходили несколько дней подряд. Тяжело было вспоминать. Мама отвела нас в свою комнату и сказала: «Мальчики, давайте не будем больше вспоминать о войне, о блокаде. Все осталось, к счастью, в прошлом. Теперь нас ждет другая, мирная жизнь. Не надо травить свою душу и души других. Наша Армия разобьет фашистов, закончится война. Старайтесь помогать друг другу, помогать мне. Выучитесь, станете хорошими, добрыми людьми. Будем жить без голода, одетыми и обутыми». Так, мало-помалу, мы стали забывать пережитое, никогда и нигде не вспоминая больше об ужасах ленинградской Блокады.

Я рос веселым, отчаянным и озорным. Кончилась война, люди начинали жить лучше. Соседским девчонкам родители купили большую разноцветную заводную юлу. У девчонок не получалось ее завести. Я взял юлу и стал с силой нажимать на набалдашник заводного штока. Юла закрутилась и завыла. Звук ее так был похож на вой сирены блокадной тревоги, что я онемел. У меня округлились глаза, и ужас проснулся во мне. Больше всего я боялся, что это увидят девчонки: ведь я был смелый и не слюнтяй! К счастью, они были заняты другим, смотрели на юлу, а не на меня. Я быстро взял себя в руки, так, что никто не заметил моего замешательства. Тем не менее, юлу я больше не заводил. Оставив соседок, долго не мог успокоиться. Пробка сосуда памяти приоткрылась и “Джин” начал выходить из него: ничто не забыто!..